

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета, А. С. Павлова ¹⁾).

Въ исторіи русскаго церковнаго права мы должны прослѣдить, во 1-хъ, судьбы греческаго Номоканона въ Россіи и, во 2-хъ, постепенное образованіе особеннаго, собственно русскаго церковнаго права.

I. Судьбы греческаго номоканона въ Россіи.

§ 1. Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Несомнѣнно, что первые іерархи, пришедшіе къ намъ изъ Греціи при св. Владимірѣ, принесли съ собою, вмѣстѣ съ другими церковными книгами, и каноническій кодексъ своей церкви - въ тѣхъ, конечно, редакціяхъ его, которыя въ то время были у грековъ въ преимущественномъ практическомъ употребленіи. Такими редакціями были: Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титулахъ съ принадлежащею къ нему Синагмою канонѡвъ. Само собою понятно, что русскіе іерархи греческой національности употребляли эти книги въ подлинникѣ. Но уже вскорѣ по обращеніи Руси въ христіанство, именно — при Ярославѣ I, если не боль-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ второй, по своему предмету вполне самостоятельный отдѣлъ исторіи источниковъ православнаго церковнаго права. Первый отдѣлъ, обнимающій исторію общаго церковнаго права и позднѣйшихъ источниковъ этого послѣдняго, возникшихъ въ церкви греко-восточной, напечатанъ въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за прошлый 1899 годъ.

ициство, то значительная часть русской іерархіи состояла изъ природно-русскихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ должны были появиться у насъ и списки славянскаго перевода греческихъ номоканоновъ. Мы имѣемъ и прямыя указанія на существованіе у насъ такихъ переводовъ въ XII вѣкѣ. Такъ—1) въ извѣстныхъ „выпрошаніяхъ“ (вопросахъ) новгородскаго монаха Кирика, съ которыми онъ обращался къ своему епископу Нифонту (въ первой половинѣ XII вѣка), приводятся нѣсколько правилъ изъ греческой канонической синтагмы въ полномъ и точномъ славянскомъ переводѣ. 2) Въ описи имущества одного греческаго монастыря на Аѳонѣ (Келлургу), составленной въ 1142-мъ году, значится, между прочимъ, нѣсколько русскихъ книгъ (*особахъ вѣдѣнъ*), занесенныхъ туда, очевидно, русскими монахами, и въ томъ числѣ одинъ номоканонъ. 3) Въ XVI столѣтіи новгородскій монахъ Зиновій, ученикъ знаменитаго Максима Грека, видѣлъ два списка славянскаго номоканона, изъ коихъ одинъ, по его словамъ, написанъ былъ въ Новгородѣ при князѣ Ярославѣ, сынѣ Владиміра, крестившаго русскую землю, другой — при сынѣ Ярослава Изяславѣ. Изъ этого послѣдняго списка Зиновій въ своемъ сочиненіи приводитъ и нѣсколько правилъ противъ тогдашняго еретика Θεодосія Косого. Наконецъ—4) до насъ дѣйствительно сохранились списки славянскаго номоканона, принадлежащіе если не по письму, то по языку и составу несомнѣнно первымъ вѣкамъ не только русской, но и вообще славянской церкви. Въ этихъ спискахъ содержится переводъ тѣхъ самыхъ номоканоновъ, которые въ IX — XI столѣтіяхъ находились въ употребленіи у грековъ, т. е. номоканона Іоанна Схоластика и номоканонъ въ XIV титулахъ съ принадлежащею къ нему хронологическою синтагмою каноновъ. Переводъ перваго номоканона сохранился до насъ въ списокѣ, находящемся въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеѣ (№ 230). Розенкампфъ и Востоковъ, подробно описавшіе этотъ списокъ, относятъ его по письму къ XIII в., а по содержанію и языку—къ эпохѣ обращенія болгаръ въ христіанство. Особая печать древности, замѣтная въ содержащемся здѣсь переводѣ правилъ, даетъ основаніе видѣть въ немъ памятникъ переводныхъ трудовъ славянскаго апостола—св. Меѳодія, въ житіи котораго содержится изъ-

вѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ другими церковными книгами перевелъ для славянъ и *номоканонъ, рѣкше закону пришло*. Хотя румянцевскій списокъ номоканона Схоластикъ и писанъ въ Россіи, но прототипъ его несомнѣнно быть принесенъ къ намъ изъ Болгаріи. Это видно изъ содержащихся въ указанномъ списокѣ его разныхъ дополнительныхъ статей несомнѣнно болгарскаго происхожденія, каковы, напримѣръ, знаменитый „Законъ судный людемъ“ (это есть не что иное, какъ болгарская компиляція изъ извѣстной намъ Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима), отрывки изъ сочиненія болгарскаго пресвитера X вѣка Космы противъ появившихся тамъ еретиковъ богомиловъ и другія мелкія статьи.—Славянскій переводъ другаго греческаго номоканона въ XIV титулахъ сохранился до насъ въ списокѣ, принадлежащемъ, судя по характеру письменъ, концу XI или началу XII вѣка. Списокъ этотъ находится въ здѣшней синодальной, бывшей патріаршей библиотекѣ подъ № 227 и подробно описанъ въ моемъ сочиненіи: „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ“. Въ указанной рукописи содержится номоканонъ въ XIV титулахъ и принадлежащая къ нему каноническая синагма въ ихъ еще до-фотіевской редакціи, то есть безъ второго (фотіева) предисловія къ номоканону и безъ правилъ двухъ извѣстныхъ намъ константинопольскихъ соборовъ, бывшихъ по дѣлу Фотія. Равнымъ образомъ нѣтъ здѣсь и никакихъ толкованій па правила. Можно догадываться, что переводъ этого номоканона и синагмы сдѣланъ былъ у насъ въ Россіи при великомъ князѣ Ярославѣ — „книголюбіцѣ“, о которомъ замѣчено въ начальной лѣтописи, что онъ собралъ шнецовъ многихъ и „предложилъ“ съ греческаго языка на русскій много книгъ, необходимыхъ для просвѣщенія Руси. Въ пользу нашей догадки говорятъ, во первыхъ, встрѣчающіеся въ этомъ переводѣ русскіе юридическіе термины, вовсе неупотребительные въ языкѣ другихъ единовѣрныхъ намъ славянскихъ народовъ—болгаръ и сербовъ (напримѣръ слово—*тиунъ*): во вторыхъ—то обстоятельство, что въ памятникахъ русскаго церковнаго права XII в., именно—въ вышеупомянутыхъ „въ прошеніяхъ“ Киррика, греческія церковныя правила приводятся именно въ томъ переводѣ, какой содержится въ разсматриваемомъ синодальномъ списокѣ Бормчей. Въ томъ же переводѣ чита-

ются у вышеупомянутого новгородскаго монаха Зиновія правила, взятая имъ изъ номоканона временъ великаго князя Изяслава Ярославича. Къ сожалѣнiю, въ синодальномъ спискѣ недостаетъ конца, гдѣ обыкновенно помѣщались въ старыхъ книгахъ извѣстiя о времени ихъ написанiя; а если бы онъ былъ, то мы, можетъ быть, имѣли бы въ этой драгоценной рукописи одинъ изъ тѣхъ номоканоновъ, которыми пользовался Зиновiй.

До второй половины XIII вѣка составъ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона, повидимому, оставался тотъ же самый, какой мы находимъ въ синодальномъ спискѣ Кормчей XI—XII в. Но съ полною вѣроятностiю можно сказать, что къ этому составу уже въ XII и первой половинѣ XIII в. прибавлены были разные источники русскаго права, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго, именно—Русская Правда, каноническiе отвѣты м-та Юанна II и новгородскаго епископа Нифонта, нѣкоторыя анонимныя статьи (напримѣръ „уставъ о брацѣхъ“) и можетъ быть—церковный уставъ св. Владимира. Такъ нужно думать въ виду того обстоятельства, что въ позднѣйшихъ редакцiяхъ русской Кормчей, *стоящихъ въ генетической связи съ первоначальнымъ славяно-русскимъ номоканономъ*, указанные русскiе памятники составляютъ какъ бы необходимую принадлежность. Но былъ ли составъ русскаго номоканона до второй половины XIII в. увеличенъ какими нибудь новыми *греческими* источниками церковнаго права,—на этотъ вопросъ нельзя дать никакого рѣшительнаго отвѣта. Несомнѣнно, однако, что русская церковь, составлявшая тогда только одну изъ митрополiй, подчиненныхъ константинопольскому патрiарху, должна была рано или поздно принять въ свой каноническiй кодексъ и тѣ источники церковнаго права, которые появились на востокѣ послѣ первоначальнаго перевода греческаго номоканона на славянскiй языкъ. А мы знаемъ уже, что эти источники были довольно многочисленны и нѣкоторые изъ нихъ весьма немаловажны по содержанию; знаемъ также, что въ XII вѣкѣ каноническiй кодексъ греческой церкви снабженъ былъ *толкованiями* трехъ авторизованныхъ канонистовъ: Аристина, Зонары и Вальсемона, получившими громадное практическое значенiе. Такимъ образомъ, первоначальный составъ русскаго номоканона, сравнительно съ греческимъ, въ XIII

вѣкъ долженъ былъ казаться недостаточнымъ во многихъ отношеніяхъ. На этотъ недостатокъ обратилъ вниманіе митрополитъ Кирилль II, родомъ русскій, занявшій кафедру вскорѣ послѣ монгольскаго погрома. Обзорѣвая подчиненныя ему епископскія епархіи, онъ всюду нашелъ „несогласія многа и грубости“ въ церковной практикѣ, происходившія, по его словамъ, отъ непониманія правилъ церковныхъ, омраченныхъ (для русскаго разумѣнія) „облакомъ мудрости эллинскаго языка“. Послѣднія слова могли относиться, конечно, только къ тѣмъ источникамъ церковнаго права, которые до сихъ поръ не были еще извѣстны на Руси въ славянскомъ переводѣ. Между тѣмъ русскому митрополиту стало извѣстно, что у южныхъ славянъ, именно въ Сербіи, недавно появился новый славянскій переводъ греческаго номоканона съ толкованіями, сдѣланный первымъ автокефальнымъ архіепископомъ сербской церкви св. Саввою, и что эта новая славянская Кормчая принята и въ соседней Болгаріи. Сюда то (въ Болгарію), къ одному полунезависимому деспоту (т. е. князьку) Іакову—Святославу, происходившему отъ русскихъ князей (вѣроятно — галицкихъ) и обратился м-тъ Кирилль съ просьбою о высылкѣ на Русь списка новой славянской Кормчей. Святославъ охотно исполнилъ просьбу нашего митрополита, послать ему списокъ Кормчей, снятый съ экземпляра, хранившагося въ Болгарской патриархіи. Въ письмѣ своемъ къ Кирилду II, писанномъ въ 1262 г. и вставленномъ въ самую Кормчую, Святославъ называетъ посланную книгу „Зонарою“, какъ-бы усвоивъ содержащіяся въ ней толкованія именно этому канонисту. На самомъ же дѣлѣ новая славянская Кормчая была переводомъ уже извѣстнаго намъ каноническаго синонуса съ толкованіями Аристина. Южные славяне назвали ее книгою *Зонары*, подобно думать, потому, что у самихъ грековъ имя этого канониста сдѣлалось нарицательнымъ для всякаго толкователя церковныхъ правилъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ новую славянскую Кормчую принято и нѣсколько толкованій *Зонары*, хотя этотъ толкователь, какъ извѣстно, имѣлъ дѣло не съ синонусомъ, т. е. не съ сокращеннымъ текстомъ церковныхъ правилъ, а съ полнымъ. Сравнительно съ первоначальнымъ славяно-русскимъ номоканонемъ, новая Кормчая заключала въ своемъ составѣ значительное число источ-

никовъ церковнаго права, которые до тѣхъ поръ были у насъ неизвѣстны, именно: правила двухъ константинопольскихъ соборовъ (861 и 879 г.), бывшихъ при патріархѣ Фотіи; постановленія Константинопольскаго патріаршаго синода, большію частію по дѣламъ брачнымъ, и новеллы императора Алексѣя Комнина. Кромѣ того въ ней находились разныя каноническіе отвѣты и трактаты греческихъ іерархическихъ лицъ XI—XIII вв. Получивъ желанную книгу, митрополитъ Кириллъ II предъявилъ ее собору, созванному имъ въ 1274 г. во Владимірѣ на Клязмѣ; здѣсь книга эта была читана по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя нужны были для исправленія замѣченныхъ митрополитомъ безпорядковъ въ русской церковной жизни. Мѣста эти и помѣщены соборомъ въ его собственныхъ постановленіяхъ. Безъ сомнѣнія, митрополитъ рекомендовалъ новую Кормчую епархіальнымъ архіереямъ для списыванія и употребленія въ ихъ практикѣ. Дѣйствительно, эта Кормчая сдѣлалась родоначальницею если не всѣхъ, то громаднаго большинства списковъ русскаго помоканона, идущихъ отъ послѣдней четверти XIII в. до конца XVII-го. Списки эти раздѣляются на двѣ фамиліи: одни представляютъ не болѣе, какъ копію съ Кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ изъ Болгаріи, *безъ всякихъ русскихъ дополненій*; другіе произошли изъ соединенія этой Кормчей съ прежнимъ, до—кирилловскимъ русскимъ помоканономъ. Именно—въ нихъ удержанъ первоначальный переводъ полнаго текста церковныхъ правилъ, съ нѣкоторыми усѣченіями въ концѣ, но къ этому тексту приписаны уже толкованія, взятые изъ новой Кормчей. Кромѣ того, въ Кормчію этого разряда или фамиліи приняты и всѣ новые источники церковнаго права, содержащіеся въ прототипѣ Кормчихъ первой фамиліи. Наконецъ, только въ спискахъ Кормчей второй фамиліи находятя всѣ вышеупомянутые памятники русскаго права, церковнаго и гражданскаго: явный знакъ, что эти источники унаслѣдованы Кормчими разсматриваемой фамиліи отъ общаго ихъ родоначальника, т. е. отъ первоначальнаго славяно-русскаго помоканона. Старшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ Кормчей первой фамиліи написанъ въ 1284 г. въ Рязани по приказанію тамошняго епископа Юсифа, который неспросилъ оригиналь для этого списка у самого митрополита Максима; а старшимъ

представителемъ Кормчихъ второй фамилии является епископъ, написанный около 1280 года въ Новгородѣ по распоряженію архіепископа Климента. По мѣсту написанія перваго изъ этихъ списковъ принято называть Кормчія первой фамилии *рязанскими*, а второй—*софійскими* по мѣсту храненія упомянутой повгородской Кормчей въ тамошнемъ Софійскомъ соборѣ. Но эти названія, очевидно, нѣсколько не выражаютъ внутреннихъ особенностей той и другой фамилии Кормчихъ и не указываютъ на мѣсто пропехожденія ихъ прототиповъ. Мы будемъ называть Кормчія первой фамилии *сербскими*, такъ какъ они пропеходятъ отъ сербскаго оригинала и, за весьма рѣдкими исключеніями, никакихъ русскихъ статей въ себѣ не содержатъ; а Кормчія второй фамилии всего приличнѣе назвать *русскими*, такъ какъ онѣ находятся въ генетической связи съ первоначальнымъ славяно-русскимъ номоканономъ и удержали въ своемъ составѣ памятники *русскаго* права. Это названіе тѣмъ болѣе приличествуетъ такимъ Кормчимъ, что онѣ и послѣ митрополита Кирилла II, до эпохи печатнаго изданія Кормчей, постоянно удерживали за собою первенство въ церковномъ употребленіи. Это видно уже изъ того, что онѣ дошли до насъ въ гораздо большемъ числѣ списковъ. Это же доказывается и фактомъ появленія у насъ, не позднѣе XIV вѣка, особыхъ церковно-юридическихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Мѣрила Праведнаго*: сборники эти, назначенные, очевидно, въ руководство при разборѣ церковно-судебныхъ дѣлъ, представляютъ собою не болѣе, какъ сокращеніе Кормчихъ русской редакціи. Наконецъ, въ памятникахъ собственно—русскаго церковнаго права XV—XVI вв. (напр. въ Стоглавѣ) церковныя правила всего чаще приводятся въ текстѣ и переводѣ Кормчихъ этой фамилии.

§ 2. *Позднѣйшія редакци русской Кормчей.* Съ половины XV вѣка появляются у насъ такіе списки Кормчей, которые въ формальномъ и въ матеріальномъ отношеніи значительно разнятся отъ Кормчихъ, принадлежащихъ и двумъ сейчасъ описаннымъ фамиліямъ. Именно, въ однихъ спискахъ церковныя правила излагаются уже не въ хронологическомъ порядкѣ, по примѣру епитимы Фотія, а въ систематическомъ, подъ XIV-ю титулами Фотіева номоканона. Такой формальной переработкѣ подвергались Кормчія той и дру-

гой—русской и сербской фамилин. Съ другой стороны, и самый состав Кормчихъ русской фамилин постоянно увеличивался новыми *русскими* источниками церковнаго права, которые принимались иногда и въ Кормчія сербской редакціи. Между прочимъ во 2-й половинѣ XV вѣка, когда русская церковь *фактически* сдѣлалась автокефальною, т. е. независимою отъ константинопольскаго патріарха, находившагося теперь подъ властію невѣренныхъ турокъ, въ началѣ нашихъ Кормчихъ помѣщена была обширная статья, оправдывающая такой порядокъ церковныхъ дѣлъ на Руси примѣромъ существованія автокефальныхъ церквей въ Болгаріи и Сербіи.

Съ XV-го же вѣка дѣлаются извѣстными у насъ славянскіе списки *Синтагмы Властаря*, которая, какъ уже было замѣчено, вскорѣ послѣ своего появленія, т. е. приблизительно въ концѣ XIV в. переведена была на сербскій языкъ. Въ Синтагмѣ Властаря русская церковь опять получила нѣсколько новыхъ источниковъ своего права, которые отсюда внеслись и въ прежнія редакціи нашихъ Кормчихъ. Повидимому, этотъ каноническій словарь далеко не бытъ у насъ въ такомъ обширномъ употребленіи, какъ у грековъ и южныхъ славянъ. Но крайней мѣрѣ отъ XV и XVI вѣка до насъ не дошло ни одного *полнаго* русскаго списка Властаревой синтагмы, а встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ Кормчихъ и разныхъ каноническихъ сборникахъ болѣе или менѣе обширныя отрывки изъ нея. Она, дѣйствительно, представляла одно важное неудобство для русской и вообще для славянской церковной практики—то именно, что въ славянскомъ переводѣ она была уже не *алфавитная*. Но около половины XVI в. сдѣлавъ бытъ Молдавскимъ митрополитомъ Макаріемъ опытъ изложенія готоваго славянскаго перевода синтагмы Властаря по *славянскому алфавиту*. Слухъ объ этомъ дошелъ и въ Россію и возбудилъ здѣсь такой интересъ, что самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный обратился къ тогдашнему Молдавскому господарю Александру съ просьбою выслать ему списокъ книги Властаря въ такомъ изложеніи. Списокъ бытъ изготовленъ и посланъ въ Россію въ 1560 году, но на пути какъ-то застрялъ въ Галиціи и въ настоящее время находится во Львовѣ, въ монастырѣ св. Онуфрія.

Въ XVI в., въ эпоху возникновенія у насъ многихъ и

весьма важныхъ церковно-политическихъ вопросовъ, являются такія редакціи Кормчихъ, въ которыхъ нельзя не видѣть тенденціи дать основанія для рѣшенія этихъ вопросовъ въ томъ или другомъ направленіи. Одни изъ такихъ Кормчихъ отличаются, такъ сказать, прогрессивнымъ характеромъ, другія—строго-консервативнымъ. Изъ Кормчихъ, редактированныхъ въ первомъ направленіи, намъ известна одна, составленная въ 1517 г. инокомъ-княземъ Вассіаномъ Патрикеевымъ, по прозванію Косымъ. Цѣль составленія этой Кормчей была—доказать, что монастыри не имѣютъ права владѣть населенными вотчинами. Это былъ одинъ изъ самыхъ ягучихъ вопросовъ того времени, по которому въ средѣ самого монашества происходила жаркая литературная полемика. Вассіанъ принадлежалъ къ партіи противниковъ монашескаго землевладѣнія. Пользуясь покровительствомъ и родственнымъ расположеніемъ самого великаго князя Василія Ивановича, [онъ] пришелъ къ смѣлой мысли опровергнуть каноническія основанія вотчиннаго быта русскихъ монастырей. Съ этою мыслию онъ обращается къ тогдашнему м-ту Варлааму, какъ видно, сочувствовавшему идеямъ инока-князя, и проситъ у него благословенія написать новую Кормчую, въ которой бы не было замѣченнаго имъ въ старыхъ Кормчихъ противорѣчія съ священнымъ писаніемъ, т. е. не было бы основаній для монастырскаго землевладѣнія. Благословеніе дано, но съ условіемъ ничего не выкидывать изъ старой Кормчей, ибо—говоритъ митрополитъ—кто имѣетъ цѣломудренный разумъ, тотъ не соблазнится смысломъ правилъ, говорящихъ о монастырскихъ селахъ. Вассіанъ избралъ оригиналомъ для своего списка такую Кормчую, въ которой правила изложены были въ системѣ Фотіева помоканона и, значить, все правила, въ которыхъ говорилось о монастыряхъ и монастырскихъ имуществвахъ, находились въ одномъ титулѣ. Такъ какъ въ нихъ прямо упоминались монастырскія *села*, то противорѣчіе ихъ съ божественными писаніями, запрещавшими монахамъ владѣть населенными вотчинами, должно было казаться Вассіану непримиримымъ. Онъ уже кончить списываніе своей Кормчей, когда къ намъ прибылъ въ 1518 г. знаменитый Максимъ Грекъ, вызванный съ Афона вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ для разбора его бібліотеки, въ которой было не мало

и греческихъ книгъ, привезенныхъ въ Россію матерью великаго князя, греческою царевною Софією Палеологъ. Тотъ же Максимъ долженъ былъ заняться и переводомъ на славянскій языкъ тѣхъ греческихъ книгъ, которыя окажутся нужными для русской церкви. Вассіанъ успѣлъ сблизиться съ просвѣщеннымъ иноземцемъ и втянуть его въ дѣло своей полемики съ „любоимѣннымъ“ русскимъ монашествомъ. Между прочимъ, онъ воспользовался услугою Максима, чтобы возвысить достоинство своей Кормчей. Отъ Максима нашъ инокъ-князь узналъ, вопервыхъ, что изложеніе правилъ „въ граняхъ“, т. е. въ титулахъ, принадлежитъ патріарху Фотію; во вторыхъ, что въ греческой церкви извѣстны толкованія на каноны не только Аристина, но и Зонары, Вальсамона и др. Эти свѣденія Вассіанъ занесъ въ свою Кормчую. Кромѣ того онъ получилъ отъ Максима новый переводъ тѣхъ правилъ, въ которыхъ говорилось о монастырскихъ селахъ. Оказалось, что эти села далеко не то, что вотчины русскихъ монастырей. Слову *село* въ греческомъ подлинникѣ соответствуетъ слово *προάστειον*, что значитъ, по переводу Максима, „приградіе сельное“, т. е. загородная дача, а не населенная вотчина. Все это Вассіанъ приписалъ въ видѣ замѣтокъ къ тому титулу или „гранн“ своей Кормчей, гдѣ сведены были правила о монастыряхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Кромѣ того въ концѣ своей книги онъ помѣтилъ особый трактатъ о неприличіи монахамъ владѣть людьми и селами. Здѣсь Вассіанъ, между прочимъ, приводитъ вполнѣ правила, переведенныя для него Максимомъ вмѣстѣ съ толкованіями Вальсамона, до сихъ поръ вовсе у насъ неизвѣстными. Переводъ, по словамъ Максима, сдѣланъ съ греческой Кормчей, принесенной въ Россію м-томъ Фотіемъ (въ началѣ XV в.) и хранившейся во Московскомъ Успенскомъ соборѣ. И это обстоятельство, конечно, служило къ возвышенію достоинства Вассіановой Кормчей. Пока инокъ-князь находился въ милости у вел. князя, до тѣхъ поръ онъ могъ безъ всякой опасности для себя полемизировать противъ монастырей и монашества и давать, кому угодно, свою Кормчую для чтенія и еписыванія. Между прочимъ, онъ доставилъ списокъ ея и самому в. князю. Но въ 1531 г. онъ, вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ, навлекъ на себя велико-княжескую ошалу своимъ протестомъ про-

тивъ развода вел. князя съ своею женою Соломоніей Сабуровой по причинѣ ея неплодія. Разводъ зависѣлъ, конечно, отъ духовной власти, и хотя церковные законы не признають неплодія жены правомѣрнымъ поводомъ къ разводу, однако тогдашній митрополитъ Данилъ, ревностный защитникъ вотчинныхъ правъ монашества, далъ великому князю свое властное согласіе на разводъ. А Вассіанъ, какъ опасный вольнодумецъ, предавъ былъ церковному суду. Противъ него составленъ былъ духовный соборъ, на которомъ онъ былъ осужденъ, какъ вообще за свое ученіе о монастырскихъ селахъ, такъ, въ особенности, и за попытку „исказить божественную книгу церковныхъ правилъ“, которая, говоритъ м-тъ Данилъ, болѣе 500 лѣтъ правитъ русскою церковію и до сихъ поръ ни отъ кого не подвергалась такой порчѣ, какую потерпѣла отъ него—Вассіана. Соборъ приудилъ князя-инока къ пожизненному заключенію въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Но замѣчательно, что его Кормчая не была истреблена: она сохранилась до нашего времени въ нѣсколькихъ спискахъ, современныхъ самому составителю.

Попытка Вассіана редактировать Кормчую въ церковно-преобразовательномъ направленіи естественно вызвала противоположные опыты—составленія Кормчей съ цѣлію охраненія существующихъ церковныхъ правъ и порядковъ. Такую именно Кормчую м-тъ Данилъ поручилъ составить своему преемнику на игуменствѣ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ Нифонту. По формѣ эта Кормчая сходна съ Вассіановою: въ ней точно также весь каноническій матеріалъ расположенъ въ системѣ Фотіева помоканона. Но подъ титулами этой системы помѣщены не только правила, принятія вселенскою церковію, но и разныя выписки изъ сочиненій св. отцевъ и другихъ церковныхъ писателей. Выписки эти становятся особенно многочисленны и разнообразны тамъ, гдѣ помоканонъ касался жизненныхъ вопросовъ того времени, именно—о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, объ архіерейскомъ судѣ, о церковныхъ пошлинахъ и т. п. Кормчая Нифонта, не смотря на свой консервативный характеръ, до нѣкоторой степени раздѣлила судьбу Вассіановой Кормчей. Преемникъ м-та Данила, знаменитый Макарій сдѣлалъ строгое замѣчаніе составителю за

то, что онъ изложилъ „святія правила не подлинною“, т. е. не такъ, какъ они изложены соборами и св. отцами, а въ системѣ: такое изложеніе, по отзыву Макарія, „выдумано еретиками“ (намекъ на Вассіана) съ цѣлію „растерять“ неблагопріятныя ихъ мнѣніямъ правила. Въ противоположность этимъ систематическимъ Кормчимъ, самъ митрополитъ Макарій предпринялъ опытъ составленія сводной Кормчей по старому образцу, т. е. съ соблюденіемъ хронологическаго порядка правилъ. Въ этой Кормчей митрополитъ, повидимому, предполагалъ помѣстить всю тогда извѣстную у насъ каноническую письменность. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не доведенъ до конца. Сводная Кормчая Макарія содержитъ въ себѣ только правила апостольскія и *девяти* соборовъ (семи вселенскихъ и двухъ Фотіевыхъ), изложенныя не въ одномъ, а въ двухъ, иногда трехъ разныхъ переводахъ, какіе только можно было найти въ тогдашнихъ русскихъ церковныхъ книгахъ. Къ правиламъ присоединены не только толкованія греческихъ канонистовъ, какія были у насъ извѣстны, но и разныя отрывки изъ источниковъ византійскаго права, также изъ сочиненій св. отцовъ, церковныхъ историковъ и пр. Ясно, что м-тъ Макарій хотѣлъ дать русской Кормчей такую редакцію, въ которой бы она представляла достаточныя основанія и матеріалъ для разрѣшенія современныхъ церковныхъ вопросовъ. Многое изъ этой Кормчей внесено было въ Стоглавъ или въ книгу соборнаго уложенія 1551 года, окончательная редакція которой, по всей вѣроятности, принадлежитъ тому же митрополиту Макарію. Составляя свою Кормчую, митрополитъ Макарій могъ убѣдиться, что списки Кормчей, также какъ и другихъ церковныхъ книгъ, во многихъ мѣстахъ, и иногда существенно важныхъ, испорчены были переписчиками. Въ виду этого печальнаго факта и Стоглавый соборъ обратилъ вниманіе на порчу церковныхъ книгъ и постановилъ, чтобы впредь поповскіе старосты наблюдали за шпецами, указывали имъ исправные оригиналы для списыванія, сами исправляли новыя списки по старымъ оригиналамъ и только такіе исправленные списки допускали въ церковное употребленіе. Безъ сомнѣнія, эта мѣра касалась и Кормчей, которая въ позднѣйшихъ спискахъ тоже не мало потеряла отъ невѣжества переписчиковъ. И если вскорѣ послѣ собора въ наказ-

ныхъ спискахъ, данныхъ по соборному уложенію, предписывалось священникамъ „держати по церквамъ божественныя правила полныя“ (т. е. Кормчю) и самимъ въ нихъ принцати“ (А. Э. т. I, стр. 228), то этимъ косвенно священники обязывались имѣть Кормчія исправно написанныя.

Но чтобы дѣйствительно исправить славянскій текстъ Кормчихъ, въ продолженіи вѣковъ сохранявшійся путемъ переписки, нужно было сравнить его съ подлиннымъ, греческимъ; а на это дѣло московскіе поповскіе старосты XVI в. не знавшіе греческаго языка, вовсе были неспособны. Правда, это дѣло могъ бы совершить жившій у насъ въ первой половинѣ XVI в. Максимъ Грекъ; но извѣстно, что онъ за свои указанія и исправленія ошибокъ въ русскихъ церковныхъ книгахъ былъ осужденъ, какъ еретикъ, и во время застѣданій собора, 1551 г. проживалъ въ почетной ссылке въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ. Оставалось, значить, довольствоваться существующими текстами и редакціями Кормчихъ ¹⁾. Изъ нихъ, какъ мы уже замѣтили, въ преимущественномъ употребленіи находились Кормчія такъ наз.

¹⁾ Находились, впрочемъ, если не въ сѣверо-восточной (московской), то въ западной Руси лица, повидимому, сознававшія необходимость исправленія славянской Кормчей по подлиннику, но, къ сожалѣнію, бывшія не въ силахъ выполнить это дѣло. Таковъ былъ Люблинскій священникъ Василій, предпринявшій въ 1604 г. исправленіе Кормчей софійской или русской редакціи *по латинскому переводу* номокавона и синагмы патріарха Фотія съ толкованіями Вальсамона, изданному въ 1561 г. въ Парижѣ Гентіаномъ Герветомъ. Своему труду о. Василій предпослалъ довольно обширное и весьма краснорѣчивое предисловіе, въ которомъ яркими красками изображаетъ печальное состояніе церковныхъ дѣлъ въ православной западной Руси, поставленной въ борьбу съ іезуитами и увіей, горько жалуется на повсюдныя упадокъ церковной дисциплины, на порчу церковныхъ книгъ и въ особенности церковныхъ правилъ, искаженныхъ невѣжественными писцами „не точію въ словеса, но и въ силѣ“. Самое исправленіе Кормчей, предпринятое свещ. Васиіемъ, состояло, во 1-хъ, въ дополненіи стараго славянскаго текста тѣмъ, что въ немъ было пропущено сравнительно съ подлинникомъ; во 2-хъ, въ новомъ переводѣ вѣкоторыхъ правилъ, которыя были переведены неправильно или представляли переводъ не полнаго текста ихъ, а синохсеа; въ 3-хъ, въ разныхъ пояснительныхъ замѣткахъ (на малороссійскомъ языкѣ) къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ старомъ и новомъ переводѣ правилъ; въ 4-хъ, въ переводѣ вѣсколькихъ толкованій Вальсамона, которыхъ въ прежнихъ Кормчихъ вовсе не находилось.

софійской, т. е. русской редакціи. Но уже по этой самой причинѣ, требовавшей частой переписки, текстъ такихъ Кормчихъ подвергался большей и большей порчѣ и самый составъ ихъ разнообразился, можно сказать, до безконечности, отчего, понятно, происходили несогласія и въ самой церковной практикѣ. Установить однообразный текстъ и составъ Кормчей можно было только посредствомъ печатнаго, и притомъ оффиціальнаго изданія, употребленіе котораго было бы повсюду и для всѣхъ обязательно.

§ 3. *Печатное изданіе Кормчей въ 1649—1653 г. и ея составъ.*
 Печатное изданіе Кормчей предпринято было высшею церковною и государственною властью въ томъ же самомъ году (1649), когда издано знаменитое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Фактъ этого совпаденія знаменателенъ. Какъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, вельдѣ за издавіемъ его Судебника, созванъ былъ соборъ для изданія книги церковнаго уложенія (Стоглавъ), точно такъ же и теперь съ печатнымъ издавіемъ государственнаго Уложенія соединяется такое же изданіе церковнаго покаяннаго. Ясно, что то и другое дѣло признавалось одинаково важнымъ. Замѣчательно и довольно загадочно то обстоятельство, что оригиналомъ для печатнаго изданія Кормчей избранъ былъ списокъ не русской редакціи, съ первоначальнымъ переводомъ полного текста правилъ и съ разными русскими статьями, а сербскій, т. е. такой, въ которомъ содержался переводъ сокращеннаго текста правилъ, синодеса, и въ которомъ никакихъ русскихъ статей не находилось. Чѣмъ объяснить такой выборъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно. Можетъ быть, издатели Кормчей нашли, что списки этой редакціи содержатъ въ себѣ текстъ источниковъ церковнаго права болѣе исправный и ясный, тѣмъ Кормчія русской фамиліи; можетъ быть, выборъ оригинала для печати изъ числа списковъ этой послѣдней фамиліи оказался затруднительнымъ уже по самому разнообразію ихъ состава, тогда какъ Кормчія сербской фамиліи по своему составу были вполне однообразны; можетъ быть, наконецъ, что при выборѣ оригинала для печатной Кормчей наше духовное правительствовало такою мыслию, чтобы эта книга содержала въ себѣ только общіе источники церковнаго права, признаваемые во всѣхъ православныхъ автокефальныхъ церквахъ, а таковыми именно и

были, по своему составу, Кормчія *сербской* редакціи. Печата-
 ніе Кормчей началось 7 Ноября 1649 г., по повелѣнію царя
 Алексѣя Михайловича и благословенію патріарха Іосифа, и
 кончилось 1 Сентября 1650 г. Но экземпляры Іосифовскаго
 изданія почему то не были выпущены въ обращеніе. Преем-
 никъ Іосифа, патріархъ Никонъ, вскорѣ по вступленіи сво-
 емъ на престолъ, нашелъ нужнымъ подвергнуть отпечатан-
 ную Кормчую особой ревизіи на соборѣ духовныхъ властей.
 Общее свидѣтельство объ этой ревизіи изложено въ постѣ-
 словіи печатной Кормчей, т. е. въ извѣстіи объ ея напечата-
 ніи. Здѣсь сказано, что, когда эта божественная книга была
 окончена печатаньемъ, тогда, во избѣженіе всякихъ споровъ,
 свидѣтельствовалъ ее святѣйшій патріархъ Никонъ съ со-
 боромъ и, что оказалось несправнымъ, исправить и при-
 вести во взаимное согласіе. Для этого исправленія—сказано
 далѣе въ постѣсловіи — собрано было множество списковъ
 Кормчей, изъ коихъ одинъ оказался особенно вѣрнымъ, и
 кромѣ того принята во вниманіе древняя греческая Кормчая,
 принадлежавшая іерусалимскому патріарху Паисію, кото-
 рый проживалъ тогда въ Москвѣ. На самомъ же дѣлѣ это
 „исправленіе“ ограничивалось только прибавленіемъ нѣ-
 сколькихъ статей въ началѣ и концѣ Кормчей и другими
 незначительными переѣнами, которыя не касались текста
 источниковъ, отпечатанныхъ при Іосифѣ. Исправленные та-
 кимъ образомъ экземпляры, въ числѣ 1200, были 15 Іюля
 1653 г. разосланы по церквамъ для употребленія. Но
 и нѣсколько экземпляровъ Іосифовскаго изданія было
 сохранено лицами, недовольными цензурою Никона, ко-
 торые потомъ произвели донинѣ существующій расколъ
 старообрядства. Такіе экземпляры составляютъ вели-
 чайшую библиографическую рѣдкость. Съ одного Іосифов-
 скаго экземпляра Кормчая напечатана была раскольниками
 въ Варшавѣ въ 1786 году, когда Св. Синодъ впервые издалъ
 Никоновскую Кормчую отъ своего лица, затѣмъ черезъ сто-
 лѣтъ, именно въ 1888 г., Іосифовская Кормчая, съ разрѣ-
 шенія Св. Синода, вновь была напечатана въ московской
 еднновѣрческой типографіи.

Составъ печатной Кормчей, по Никоновскому изданію, есть
 слѣдующій:

Введеніемъ въ первую, каноническую часть ея служатъ:

1) четыре историческихъ сказанія, именно— а) объ установленіи автокефальности русской, болгарской и сербской церкви; б) о крещеніи Руси, о принятіи ею духовной іерархіи отъ грековъ и объ учрежденіи въ ней патриаршества, со всѣми относящимися къ этому учрежденію актами; в) о поставленіи на русское царство Михаила Теодоровича Романова и на патриаршество отца его Филарета Никитича; г) два сказанія о соборахъ, признанныхъ въ православной церкви, одно о 7 вселенскихъ, другое — о всѣхъ 16, т. е. 7 вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборахъ, правила которыхъ изложены въ Кормчей. 2) Фотіевъ помоканонъ съ двумя предисловіями, изъ коихъ первое принадлежитъ первоначальному неизвѣстному автору номоканона въ XIV титулахъ, второе— Фотію. Въ печатной Кормчей, какъ и во всѣхъ рукописныхъ, этотъ помоканонъ является раздѣленнымъ на свои составныя части. Здѣсь, во введеніи въ Кормчую, помѣщены только титулы или, по славянски, *грамм* номоканона, съ указаніемъ каноническихъ источниковъ численными знаками и листовъ книги, гдѣ паходятся эти источники. Что же касается до гражданскихъ законовъ, поставленныхъ подъ этими титулами въ греческомъ подлинникѣ, то они отнесены во вторую часть Кормчей, въ качествѣ 44 главы этой книги. Затѣмъ отъ 1 до 37 главы включительно идетъ уже каноническій синопсисъ съ толкованіями Аристина и, по мѣстамъ, Зонары и какого-то неизвѣстнаго толкователя. Главы 38—41 составляютъ различныя дополненія къ каноническому синопсису.

Съ 42 главы начинается вторая часть Кормчей, *главное* (но не исключительное) содержаніе которой составляютъ законы византійскихъ императоровъ по дѣламъ церкви. Именно:

Гл. 42. Восемьдесятъ семь главъ, извлеченныхъ изъ новеллъ Юстиніана Юанномъ Схоластикомъ. (Подлинникъ изданъ Гейлбахомъ въ *Анѣкдота juris graeco—romani*, t. II, p. 208—234).

Гл. 43. Три повеллы императора Алексѣя Комнина о церковномъ обрученіи и вѣнчаніи браковъ. (Подлинникъ у *Цалорі* въ *Jus graeco—romanum*, pars III, p. 401. 359).

Гл. 44. Гражданскіе законы въ 13 титулахъ, отдѣленные отъ титуловъ Фотіева номоканона (съ сокращеніями).

Гл. 45. Извлеченіе изъ уголовныхъ законовъ Моисея (Подлинн. у *Котельера* въ *Monum. eccl. graecae*, t. I, p. 1—27).

Гл. 46. Законъ судный людямъ — болгарская компиляція изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, преимущественно изъ Эклоги Льва Исаврянина. (Источники указаны въ моемъ „Первоп. слав.-русс. помоканонѣ“, стр. 96—97).

Гл. 47. Полемическое сочиненіе противъ Латинянъ, написанное въ эпоху окончательнаго раздѣленія между восточнаго и западною церковію, т. е. въ половинѣ XI вѣка, греческимъ монахомъ Никитою Стифатомъ. (Подлинникъ у *Питры*, въ концѣ сочиненія Дмитрія Хоматина).

Гл. 48. О фрязѣхъ и прочихъ латинѣхъ—такое же полемическое сочиненіе неизвѣстнаго автора.

Гл. 49. Градскій законъ. Это — полный переводъ извѣстнаго намъ Прохирона императора Василія Македонянина, современника патріарху Фотію.

Гл. 50. Законы императоровъ Льва и Константина—вышеупомянутая Эклога, съ нѣкоторыми сокращеніями.

Гл. 51. О бракахъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится вообще объ условіяхъ и порядкѣ совершенія браковъ; вторая составляетъ руководство къ опредѣленію степеней родства и свойства, препятствующихъ браку. Первая взята изъ латинскаго источника, вторая — изъ греческаго. Подробное изслѣдованіе объ этой главѣ — въ моей книгѣ, надъ заглавіемъ: „50-я глава Кормчей, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права“ (М. 1887).

Гл. 52. О незаконныхъ бракахъ—разныя византійскія статьи о бракахъ, запрещенныхъ по родству и свойству.

Гл. 53. Такъ называемый томъ соединенія (*τόμος ἐνώσεως*), изданный въ 920 г. константинопольскимъ патріархомъ Николаемъ Мистикомъ о незаконности и недѣйствительности 4-го брака.

Гл. 54. Каноническіе отвѣты патріарха Николая Грамматика на разные вопросы, касающіеся большею частію церковнаго богослуженія и монастырской дисциплины.

Гл. 55. Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита практійскаго, на вопросы Константина епископа памфилійскаго—памятникъ конца XI в.

Гл. 56. Правило Меѳодія, патріарха константинопольскаго (IX в.), о способѣ принятія въ церковь отпадшихъ отъ пра-

вославной вѣры въ ересь или въ какую нибудь нехристіанскую религію.

Гл. 57. Отношенія къ церковному праву не имѣеть.

Гл. 58. Извлеченіе изъ правилъ Никифора Исповѣдника, патріарха константинопольскаго, жившаго въ первой половинѣ IX в.

Гл. 59. Отрывки изъ каноническихъ отвѣтовъ, подписанныхъ именемъ Іоанна, епископа китрскаго—XIII в.

Гл. 60. Архіерейское поученіе новопоставленному священнику—единственная русская статья во всей печатной Кормчей.

Гл. 61. Каноническіе отвѣты Тимоѳея, патріарха александрійскаго (V в.), составляющіе дополненіе къ его отвѣтамъ, изданнымъ въ первой (канонической) части Кормчей (гл. 32).

Гл. 62—65. Правила Василія Великаго о монахахъ.

Гл. 66—69. Отношенія къ церковному праву не имѣють.

Гл. 70. Трактатъ Тимоѳея, пресвитера константинопольскаго (VI в.), о способѣ принятія въ церковь еретиковъ разныхъ наименованій.

Гл. 71. Выписки изъ такъ наз. Палдекъ греческаго монаха Никола Черногольца (XI в.) о силѣ и важности церковныхъ правилъ.

Въ концѣ Кормчей, въ счета главъ, помѣщены: 1) Извѣстіе о ея названіи и изданіи; 2, подложная дарственная грамота Константина В. римскому папѣ Сильвестру о независимости духовной іерархіи отъ свѣтской власти (грамота эта приводится уже въ Стоглавѣ)¹⁾; 3) Сказаніе объ отдѣленіи римской церкви отъ восточной. По смыслу этого сказанія, всѣ привелегіи, данныя римскому папѣ вышеупомянутою дарственною грамотою Константина В., перешли къ восточной православной церковной іерархіи. Мы увидимъ впоследствии, какъ патріархъ Никонъ, помѣстившій въ Кормчую эту грамоту, пользовался ею въ своихъ притязаніяхъ на

¹⁾ Греческій текстъ ея съ обширнымъ предисловіемъ, см. въ посмертномъ трудѣ автора издаваемаго курса: Fasciculus anecdotorum byzantinorum, praecipue ad jus canonicum spectantium (сборникъ неизданныхъ памятниковъ византійскаго церковнаго права), стр. 51—115. СПб. 1898. Ср. *Визант. Врем.* за 1896 г., т. III, вып. 1, стр. 18—92.

исключительное положеніе въ русской церкви и государствѣ.

4. *Попытки замѣны стараго перевода Кормчей новымъ.* Таковъ составъ первоначальной Кормчей. Само собою понятно, что она не обнимала всего дѣйствующаго русскаго церковнаго права. Мѣстные источники этого права, по прежнему, оставались въ рукописяхъ, не собранные въ одинъ кодексъ, вообще не приведенные ни въ какой порядокъ. Но такъ какъ они были сравнительно немногочисленны и въ церковно-правительственныхъ сферахъ хорошо извѣстны, то для практики и не представлялось настоятельной нужды въ ихъ кодификаціи, тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ, именно—соборное уложеніе 1551 г. (Стоглавъ) и постановленія Большаго Московскаго собора 1667 года, сами по себѣ составляли особые кодексы. Гораздо большія затрудненія для практики представлялись въ пользованіи источниками обще-церковнаго права, содержащимися въ печатной Кормчей. Принятый въ ней переводъ сокращеннаго текста правилъ не всегда былъ вразумителенъ и, въ добавокъ, не всегда правиленъ. Тоже должно сказать и о толкованіяхъ, которыя, при сжатомъ и неясномъ изложеніи правилъ, для практики имѣли одинаковое значеніе съ этими послѣдними. Въ примѣръ неправильности перевода укажемъ на 72-е правило VI-го вселенскаго (трульскаго) собора и толкованіе на него. Правило изложено такъ: „Не твердь съ еретики бракъ; совокупльшиже ся прежде сего правила, аще хотятъ, да пребываютъ“ (т. е. въ бракъ). А въ толкованіи сказано: „Аще нѣщии, невѣрнии суще, законнымъ бракомъ совокупишася, и потомъ мужъ убо невѣрный приступитъ къ вѣрѣ, жена же и еще лестію одержима есть, и аще волитъ вѣрещъ мужъ жити съ невѣрною женою, или вѣрная жена съ мужемъ невѣрнымъ, да не разлучатся по божественному Апостолу“. Изложеніе правила слишкомъ кратко и не обнимаетъ всего смысла соборнаго канона въ полномъ его текстѣ; а толкованіе—прямо ошибочно. По смыслу этого толкованія, продолженіе смѣшаннаго брака, сдѣлавшагося таковымъ уже послѣ его заключенія, вслѣдствіе обращенія *одного* изъ супруговъ въ христіанство, поставляется въ зависимость отъ воли *христіанской* стороны. Между тѣмъ „божественный Апостоль“, на котораго ссылается толкованіе и полный текстъ

правила, утверждаетъ прямо противоположное, именно говоритъ, что такой бракъ долженъ оставаться нерасторжимымъ, если *нехристіанскій* супругъ желаетъ продолжать свое сожитіе съ христіанскимъ (1 Кор. 7, 12—14). Есть въ печатной Кормчей не мало и другихъ подобныхъ недостатковъ ¹⁾, которые, конечно, должны были озабочивать духовное правительство и паводить его на мысль объ изданіи каноническаго кодекса восточной церкви въ новомъ и полномъ славянскомъ переводѣ. Этимъ дѣломъ въ особенности озабоченъ былъ послѣдній всероссійскій патріархъ Адріанъ. Лично знакомый съ однимъ изъ образованнѣйшихъ іерарховъ греческой церкви, ерусалимскимъ патріархомъ Досифеемъ, онъ просилъ послѣдняго прислать въ Москву какъ рукописныя, такъ и печатныя книги каноническаго содержанія для перевода ихъ на русскій языкъ, Досифей щедро высылалъ тѣ и другія (между прочимъ, онъ прислалъ уже извѣстныя намъ изданія: *Jus graeco-romanum* Леуникавія и *Synobizis* Бевериджа), и въ 1693 г. нашъ патріархъ увѣдомлялъ его, что книги эти переведены и „въ печатное дѣло скоро даны будутъ“. Переводъ, о которомъ здѣсь упоминалось, сдѣланъ былъ, по распоряженію патріарха, справщикомъ (т. е. корректоромъ) патріаршей типографіи іеромонахомъ Евѣиміемъ. Въ этомъ переводѣ содержится номоканонъ патріарха Фотія съ толкованіями Вальсамона и синтагма каноновъ съ толкованіями того же канониста и Зонары. Переводъ синтагмы сдѣланъ по изданію Беверегія (Бевериджа). Евѣимій въ предисловіи къ своему переводу уже открыто критикуетъ печатную Кормчую и приводитъ нѣсколько примѣровъ ея несогласія съ подлиннымъ текстомъ церковныхъ правилъ. Однакожь, не смотря на обѣщаніе патріарха напечатать этотъ переводъ, онъ остался въ рукописи. По видимому, наше духовное правительство, имѣя въ виду печальное послѣдствіе Никоновыхъ церковныхъ исправленій—расколъ старообрядства, не рѣшалось замѣнить старую Кормчую новою, хотя бы во всѣхъ отношеніяхъ болѣе исправною, чтобы чрезъ это еще болѣе не усилить раскола.

Дѣло, такъ сильно занимавшее послѣдняго русскаго пат-

¹⁾ См. еще по печат. Кормчей апост. пр. 25; Григорія ввс. 5; Лаодик. 7; Василія В. 50; толк. на 20 прав. труд. соб. и др.

ріарха, неоднократно возникло въ прошломъ столѣтіи и въ Св. Синодѣ, заступившемъ мѣсто патріарховъ. Такъ въ 1734 г., по предложенію извѣстнаго Теофана Прокоповича, Синодъ поручилъ своему переводчику Козловскому запятыся новымъ переводомъ изданія Бевериджа. Въ 1742 году этотъ переводъ былъ оконченъ; но, какъ оказалось, переводчикъ дѣлать переводъ не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода, напечатаннаго у Бевериджа параллельно съ греческимъ подлинникомъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого переводъ Козловскаго не былъ одобренъ къ изданію въ печати; но сознаніе необходимости издать каноническій кодексъ православной церкви въ новомъ и болѣе исправномъ переводѣ оставалось въ полной силѣ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія (въ 1753 г.) Синодъ потребовалъ изъ патріаршей и типографской библиотекъ въ Москвѣ печатныхъ и рукописныхъ, греческихъ и славянскихъ Кормчихъ, въ которыхъ бы текстъ правилъ изложенъ былъ вполнѣ, а не сокращенно, какъ въ печатной Кормчей. Теперь предполагалось совершить двойную работу: 1) сдѣлать новый переводъ *полнаго* текста правилъ; 2) старый текстъ печатной Кормчей сравнить съ греческими подлинниками ея и отмѣтить тѣ мѣста, въ которыхъ окажется между ними несогласіе. Выполненіе этой нелегкой задачи возложено было на преподавателя Московской славяно-греко-латинской академіи Юсифа Ярошевскаго и на синодальнаго переводчика Григорія Полетнику (Синод. прот. 1755 г., л. 13). Но Ярошевскій скоро отказался отъ возложеннаго на него дѣла „за болѣзнію и долговременнымъ неупотребленіемъ греческаго діалекта“, а переводъ былъ оконченъ однимъ Полетикою. Его трудъ состоялъ собственно въ переводѣ Бевергія, безъ всякихъ справокъ съ рукописными греческими и славянскими Кормчими, какъ требовалось вышесприведеннымъ постановленіемъ Синода. Вѣроятно, вслѣдствіе этого переводъ долгое время оставался безъ просмотра и провѣрки. Лишь въ 1766 году Синодъ поручилъ рассмотреть и, въ чемъ будетъ нужно, исправить этотъ переводъ по греческимъ оригиналамъ тремъ лицамъ: петербургскому архимандриту Варлааму, переводчику Московской типографіи Софронію Младеновичу и синодальному переводчику Петру Якимову.

Въ 1769 г. эти лица кончили свое дѣло и представили

своей отзывъ о переводѣ Полетики Св. Синоду. Синодъ почему-то не удовлетворился этимъ отзывомъ (говоря вообще, одобрительнымъ) и въ 1770 году поручилъ своему члену, архимандриту Троицкой Сергіевой Лавры Платону Левиншу (впоследствии митрополиту Московскому) вновь разсмотрѣть переводъ Полетики. Платонъ занимался этимъ дѣломъ до 1774 года, когда онъ былъ поставленъ архіепископомъ въ Тверь. Тѣмъ дѣло и кончилось: переводъ Полетики, подобно переводамъ іеромонаха Евѳимія и Козловскаго остался въ рукописи ¹⁾. Между тѣмъ экземпляры старой, Никоновской Кормчей, со времени изданія которой произошло слишкомъ 120 лѣтъ, сдѣлались большою рѣдкостью: ихъ не находилось даже въ нѣкоторыхъ духовныхъ Консисторіяхъ. Въ виду этого обстоятельства, а также и во вниманіе къ тому, что „и въ свѣтскихъ правительствахъ надобность въ Кормчей случиться можетъ“, Св. Синодъ, не дожидаясь окончанія дѣла о новомъ переводѣ каноническаго кодекса православної церкви, въ 1786 году постановилъ отпечатать старую Кормчую вновь въ 4 заводахъ (т. е. въ числѣ 4800 экземпляровъ), *во всемъ согласно съ изданіемъ 1653 года*. Эта послѣдняя оговорка ясно показываетъ, что Св. Синодъ, подобно патріархамъ и по той же самой причинѣ, опасаясь не только изъять старую Кормчую изъ употребленія, замѣнивъ ее новою, но и сдѣлать въ ней какія бы то ни было, даже завѣдомо нужныя, исправленія. Въ этомъ *первомъ* синодскомъ изданіи Кормчей допущены только слѣдующія незначительныя отступленія отъ Никоновскаго изданія: 1) предъ именами Тимоѳея и Теофила александрійскихъ, правила которыхъ, какъ мы уже видѣли, приняты были трудскимъ соборомъ, уничтоженъ титулъ „святый“; 2) исключены изъ Кормчей полемическій трактатъ Никиты Стѣпата противъ латинянъ, составлявшій въ Никоновомъ изданіи, какъ мы видѣли, 47 главъ, вследствие чего дальнѣйшіи счетъ главъ какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ изданіяхъ Кормчей, идетъ на единицу меньше; 3) въ составъ 50-й (по Никоновской Кормчей 51-й) главы—о бракахъ—включена таблица употребляющихся въ этой главѣ старинныхъ названій родства и свойства, съ объясненіемъ ихъ зна-

¹⁾ См. у Горчакова—„О тайнѣ супружества“, стр. 282 и слѣд.

ченія; 4) вся Кормчая явственно раздѣлена на двѣ части— каноническую и неканоническую. Первые два отступленія, какъ болѣе важныя, мотивированы въ особомъ „предувѣдомленіи“, напечатанномъ послѣ *граней* номоканона, предѣ правилами апостольскими. Это изданіе Кормчей нѣсколько разъ перепечатывалось до 1839 г., когда наконецъ изданъ былъ Св. Синодомъ новый переводъ *полнаго* текста правилъ, входящихъ въ составъ каноническаго кодекса восточной церкви (т. е. синтагмы патриарха Фотія) подѣ заглавіемъ: „Книга правилъ св. Апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ“. Переводъ сдѣланъ не на современный русскій языкъ, но на новый церковно-славянскій, близкій къ русскому. Первоначально онъ издавался вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ правилъ, но въ позднѣйшихъ изданіяхъ помѣщается одинъ только славянскій текстъ. Съ этимъ переводомъ, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе старыи переводъ Кормчей. Тѣмъ не менѣе и новый переводъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ первыхъ трехъ изданіяхъ допущена была одна даже очень важная ошибка, именно: греческое слово *ἑτερόζυγη*, употребленное въ 54 правилѣ VI-го вселенскаго (трульскаго) собора и означающее на юридическомъ языкѣ грековъ *двоюродная сестра* (лат. consobrina) переведено было: *племянница*, отчего въ соборномъ канонѣ получалась очевидная несообразность: бракъ въ свойствѣ запрещался до 4-й степени включительно (именно въ комбинаціи: два брата не могутъ жениться на двухъ сестрахъ), тогда какъ въ родствѣ кровномъ запрещеніе браковъ доводилось только до 3-й степени. Теперь эта ошибка исправлена, но остаются другія, хотя не столь важныя, но все же требующія исправленія. Напримѣръ, въ 87 правилѣ Василія Великаго слова греческаго *πολλήνηκα*: *μηδὲ τῆρ ἑαυτοῦ θυγατῆρα* переведены: ниже дщерь *ея* вмѣсто *свою* дщерь. Новая Книга Правилъ, въ отличіе отъ константинопольскаго Пидалиона и Аѳинской Синтагмы, а равно и отъ старой нашей Кормчей, не содержитъ въ себѣ толкованій ни одного изъ авторизованныхъ въ греческой церкви толкователей XIII вѣка—ни Аристина, ни Зонаря, ни Вальсамона. Лишь въ немногихъ мѣстахъ присоединены къ тексту правилъ краткія пояснительныя примѣчанія Св. Синода. Это не значитъ, однакоже, что Св. Синодъ не признаетъ

авторитета названныхъ толкователей; напротивъ, онъ не рѣдко слѣдуетъ имъ какъ въ своихъ выше упомянутыхъ примѣчаніяхъ, такъ даже и въ постановленіяхъ по разнымъ церковно-административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Толкованія не приняты въ Книгу Правиль просто потому, что Св. Синодъ, издавая эту книгу, имѣлъ въ виду удовлетворить только наиболѣе важной и настоятельной потребности русской церковной практики: дать ей полный и ясный переводъ каноническаго кодекса Вселенской церкви. Но въ настоящее время, съ благословенія Св. Синода, Книга Правиль издана Обществомъ Любителей духовнаго просвѣщенія вмѣстѣ съ толкованіями всѣхъ названныхъ греческихъ канонистовъ, переведенными на современный русскій языкъ. Этимъ, конечно, значительно облегчается трудъ пользованія ими съ практическими и даже съ научными цѣлями, такъ какъ, говоря вообще, переводъ сдѣланъ правильно.

А. Павловъ.
